

ХАРЬКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ).

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

№ 99.

СРЕДА.

10-е Октября.

1862.

Подписная цѣна на Прибавленія:
Безъ доставки и Съ доставкою
пересылки. и пересылкою.
За годъ 2 р. 2р. 50 к. с.
—полгода 1р. 25 к. 1р. 60 к. с.
На Губернскія Вѣдомости:
Безъ переплета . . . 3 р. сер.
Въ переплѣтѣ . . . 3 р. 85 к.
За доставку на домъ или пе-
ресылку по почтѣ въ годъ 50 к.

Подписавшіеся на оба изданія
платятъ за пересылку или до-
ставку только 50 коп. сереб.

Подписка принимается въ Кон-
торѣ Редакціи, въ нижнемъ эта-
жѣ дома Губернскихъ Присут-
ственныхъ мѣстъ.

Частныя объявленія принима-
ются за букву и цифру по 1/2
коп. сер. за каждый разъ.

Статьи для напечатанія и вообще всякаго рода извѣстія просятъ присыпать на имя Редактора.

СОДЕРЖАНИЕ: Нѣсколько словъ о политическомъ воспитаніи въ Россіи.—Частные объявленія.—

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНИИ ВЪ РОССІИ.

(По поводу рѣчи г. Каченовского «О современномъ состояніи политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи» (*).

Праздникъ тысячелѣтия Россіи прошелъ для настъ почти незамѣтно; онъ никого не обрадовалъ; никто не видѣлъ въ немъ событий, которое—бы можно было поставить на ряду съ тѣми великими происшествіями, которыя мы теперь переживаемъ. Тысячелѣтие составляло для насъ какъ—бы постороннее событие, которое не превлекало нашего вниманія, занятаго другими гражданскими вопросами.

Только немногіе изъ нашихъ публицистовъ и ис-

ториковъ рѣшились спросить эту тысячелѣтнюю исто-
рию—куда она настъ привела? Мы знаемъ какіе
ответы получили они—Россія, прожившая десять
вѣковъ всякихъ испытаній и бурь, объявлена не-
совершеннолѣтнею. Всѣ жаловались на недостатокъ
администраціи, на слабость просвѣщенія, на отсут-
ствіе дѣльныхъ общественныхъ дѣятелей. Всѣ спра-
шивали себя и другихъ: куда мы идемъ, впередъ
или назадъ? Каждая сторона нашей жизни подвер-
галась строгому осужденію.

Къ числу такихъ сочиненій, въ которыхъ вы-
ражается скорбь на наше умственное и политиче-
ское ничтожество, принадлежитъ и брошюра г. Ка-
ченовского. Она, какъ это видно изъ самаго ея
содержанія, была написана для произнесенія на у-
ниверситетскомъ актѣ. Здѣсь, при громадномъ сте-
ченіи публики, раздались эти жалобы на то, что
мы не учимся и не хотимъ учиться, ничего не дѣ-
ляемъ и не хотимъ и не умѣемъ ничего дѣлать. Те-
перь эта книга продается и, вѣроятно, читается
всюю читающею публикою.

Новое сочиненіе г. Каченовского можно разсмат-

(*) Рѣчь произнесена была на торжественномъ актѣ Императорскаго харьковскаго университета, 8 сентября в. г.

ривать съ двухъ сторонъ; какъ отчетъ о современномъ состояніи политическихъ наукъ въ Европѣ и какъ трактать о необходимости политического воспитанія въ Россіи. Итъ необходимости говорить, что настъ будеть занимать эта вторая сторона сочиненія. Глубокая начитанность, мастерское изложеніе составляютъ достоинство тѣхъ главъ, где авторъ описываетъ намъ современное состояніе политическихъ наукъ. Эта часть его труда нуждается въ строгой критической оцѣнкѣ, какую трудно сдѣлать въ небольшой журнальной статьѣ. Непонятное озлобленіе, необыкновенная рѣзкость сужденій проглядываютъ въ словахъ, въ которыхъ авторъ касается политического воспитанія въ Россіи. Явленіе чрезвычайно странное! Какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ является симпатичнымъ, говорить спокойно и увлекательно въ одной части труда, а въ другой поражаетъ читателя самымъ непріятнымъ образомъ?

Мы не будемъ разматривать здѣсь въ цѣлости сочиненія г. Каченовскаго; повторяемъ, что двѣ части его сочиненія до такой степени различны по своему характеру, что критика цѣлаго его сочиненія вышла бы такимъ-же страннымъ сочетаніемъ, какимъ является самое сочиненіе ученаго автора. Притомъ г. Каченовскій даетъ своему сочиненію такое обширное назначеніе, что намъ даже не по силамъ разбирать въ какой степени оно можетъ ему удовлетворить.

Вотъ что говоритъ г. Каченовскій: «Нелая по мѣрѣ силъ, содѣствовать образованію публичистовъ въ Россіи, авторъ счѣлъ нужнымъ издать въ доступной формѣ энциклопедическое сочиненіе, изъ которого можно было бы познакомиться съ объемомъ и содержаніемъ науки о государствѣ, такъ-же съ материалами и пособіями для решения задачъ.» Цѣль болѣе или менѣе обширная; отъ всей души желаемъ автору достигнуть ея!

Такъ какъ настъ въ настоящее время болѣе всего занимаетъ политическое воспитаніе нашей родины, которому сочиненіе г. Каченовскаго будеть служить не малымъ подспорьемъ, то намъ естественнѣе всего разсмотрѣть положенія и выводы автора по этому предмету.

Авторъ незаставляетъ слишкомъ долго искать обвиненій противъ русской умственной дѣятельности;

на первыхъ-же страницахъ онъ поражаетъ всю пишущую Россію самыми тяжкими обвиненіями. Ка-кія-же преступленія взводить на нее авторъ? Въ чемъ она провинилась? Достаточно сдѣлать нѣсколько выписокъ, чтобы понять, что преступленія нашихъ писателей въ самомъ дѣлѣ тяжки и непростиительны. Авторъ когда-то надѣялся, что скоро наступитъ время для сочувствія наукѣ въ Россіи; теперь онъ сознается въ своемъ заблужденіи. Но-вѣйшіе прогрессисты, подобно старымъ обскурантамъ, относятся къ наукѣ враждебно и видятъ въ ней бесплодное сколастическое упражненіе. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ плодовъ можно ожидать отъ дешеваго скептицизма мелкихъ натуръ, отъ *нашего всенипочемства* скороспѣлыхъ мудрецовъ, отъ репетиловскаго вольнодумства мелкихъ головъ? Мы забыли, что въ политикѣ нѣтъ места для разгула страстей и бѣснованій всякаго рода. У насъ теоріи и направленія въ политикѣ имѣютъ причины патологическія, происходить отъ разстройства первовъ и воображенія. Мы не хотимъ пользоваться европейскою науковою, мы только остримъ надъ нею да скалимъ зѣбы. У насъ тяжело работать порядочному человѣку; у насъ нѣтъ вѣковой науки, нѣтъ богатаго наслѣдія отцевъ, какъ въ западной Европѣ; у насъ все непочатыя поля, да дремучий лѣсъ. Впрочемъ, авторъ дѣлаетъ уступку нашимъ публичистамъ—между ними можно найти *людей добровольственныхъ* (уступка значительная). Вообще онъ не любить задѣвать личностей, не такъ какъ нѣкоторые *Англоманы* (это не личность), которые не знаютъ, что такая частная борьба мнѣній. Наконецъ авторъ думаетъ, что грубостями едва-ли кого можно исправить и убѣдить.

И вотъ все наше направленіе, все наши журналы обруганы и лишены всякаго значенія. За что? Передъ нами лежитъ цѣлая глава, въ которой авторъ объясняетъ причины своей немилости. Дѣло въ томъ, что мы сознавая всю необходимость имѣть политическихъ дѣятелей, которые-бы могли честно и съ пользою служить народу и государству, никакъ не хотимъ учиться политическимъ наукамъ, не признаемъ ихъ даже за науки и бросились въ патерализмъ, выражая сильнейшее желаніе жить подобно рогатому и всякому иному скоту. Мы не признаемъ того, что уже признано за полезное во

всей Европѣ; хотимъ создать свой общественный строй во имя оригинальности, на которую пока не имѣемъ никакого права. Мы до сихъ поръ не изучали ни своего государства, ни народа и когда обстоятельства заставили насъ подумать о реформахъ—людей просвѣщенныхъ и способныхъ найти вѣрный путь къ общественнымъ улучшениямъ между нами не нашлось.

Таковы общія заключенія автора о нашихъ общественныхъ недостаткахъ. Все это слова благороднаго человѣка, который глубоко сочувствуетъ бѣдствіямъ своей родины и ищетъ кругомъ средствъ, какъ-бы помочь злу. Къ сожалѣнію всѣ его выводы отли чаются непрактичностью. Мы невѣжі; одно средство къ нашему спасенію образование—вотъ итогъ всѣхъ аргументовъ автора. Что-же можно сказать противъ этого, во всякомъ случаѣ, почтеннаго труизма? Ничего; точно такъ правъ былъ-бы и докторъ, который-бы сталъ доказывать больному, что онъ тогда только перестанетъ болѣть, когда сѣдѣлается здоровъ. И всѣ аргументы автора носятъ подобный характеръ. Такъ онъ говоритъ, что всѣ явленія нашего литературнаго міра суть симптомы тяжкаго, болѣзnenнаго состоянія и что для Россіи необходимо, что-бы наши теоріи и кружки образовывались путемъ естественнымъ. Но вѣдь и всякому больному докторъ можетъ сказать, что всѣ его припадки суть симптомы болѣзни и что необходимо эти патологическія явленія привести къ физиологическимъ. Все это будетъ совершенно вѣрно, неоспоримо, но въ тоже время бесполезно. Никто быть можетъ не сознать своего тяжкаго положенія такъ, какъ русскій народъ въ настоящее время. Когда наши общественные недуги обличались съ большею силою? Когда во всѣхъ слояхъ общества громче говорили о всѣхъ злоупотребленіяхъ сильныхъ и чиновныхъ міра сего? Гдѣ другой примеръ народа, который-бы созналъ, что онъ недостоинъ имѣнїя тысячелѣтнаго народа? Нужно ли прибавлять жалобы къ жалобамъ, упреки къ страдашіямъ, насмѣшки къ откровенному сознанію своихъ недостатковъ? А такъ именно поступилъ г. Каченовскій. Онъ осудилъ всю нашу литературу за то, что она неудовлетворила его ученому любопытству, осудилъ всѣхъ нашихъ писателей (съ правомъ только вѣкоторыхъ на добросовѣстность) за то, что

ни одинъ не сталъ на ряду съ Бэкономъ, Лейбницемъ, Монtesкіе, Миллемъ и другими знаменитостями западной Евроны.

Намъ кажется, что почтенный ученый поставилъ вопросъ не такъ, какъ-бы слѣдовало того ожидать отъ его несомнѣннаго таланта, искалъ причинъ недуговъ нашихъ не тамъ гдѣ должно, и предложилъ средства къ ихъ исцѣленію самая недѣйствительныя. Не естественіе-ли было глубже заглянуть въ то, что мы были 7 лѣтъ тому назадъ и затѣмъ посмотретьъ почему у насъ не сложилась наука о государствѣ; затѣмъ разсмотрѣть причины теперешняго лихорадочнаго состоянія Россіи и изъ нихъ вывести причины нашего *наглаго всенипочемства?* Наконецъ спокойно разсмотрѣть *условія*, при которыхъ политическія науки могутъ получить у насъ право гражданства. При такомъ способѣ изслѣдованія авторъ вѣроятно пришелъ-бы къ другимъ выводамъ, проникся-бы тою горячою любовью къ родинѣ, которая одна можетъ двигать сердцами согражданъ и не стала-бы играть немнога странную роль человѣка здороваго между больными.

Къ удивленію вся седьмая глава доказываетъ, что авторъ глубоко знаетъ причины нашихъ недуговъ, самъ испыталъ всѣ неудобства того дворянско-крѣпостнаго общества, которое держало все въ своихъ рукахъ 10 лѣтъ тому назадъ, онъ понимаетъ, почему мы немогли заниматься политическими науками и все-таки ничего не выводить изъ всѣхъ этихъ богатыхъ данныхъ. Все-таки гремитъ противъ нашего нигилизма, натурализма и всякихъ другихъ противунаучныхъ стремлений.

Дѣло ясно; автору хочется, что-бы мы учились политическимъ наукамъ, которые для насъ составляютъ необходимѣшее средство для гражданскаго воспитанія, что-бы мы бросили свой нигилизмъ и читали-бы по-больше политическихъ мыслителей. Авторъ *непостижимо* не сознаетъ того положенія, въ которомъ находятся политическія науки и онъ самъ, какъ ихъ преподаватель.

При какихъ условіяхъ развиваются политическія науки вообще? Вотъ вопросъ, который-бы слѣдовало решить автору болѣе точнымъ образомъ. Конечно мы говоримъ здѣсь не о той политической науки, которая служила или средствомъ забавы и отдохновенія вѣльможи или мѣстомъ убѣжища для

свѣтлаго и яснаго ума, уставшаго отъ гнета политической неурядицы, но не имѣла вліянія на ходъ преобразованій. Нѣтъ, здѣсь разумѣется та наука, которая выросла изъ здравыхъ политическихъ учрежденій и убѣждений народа и служить необходимымъ подспорьемъ для всякаго, кто посвятилъ себя общественной дѣятельности. Эта наука выводить свои положенія на основаніи фактовъ, которые она можетъ каждый день видѣть и наблюдать и можетъ въ лицѣ своихъ представителей повѣрять эти положенія каждый день и каждый часъ. Ей нѣтъ надобности строить утопіи; она только наблюдаетъ, подводитъ итоги своихъ наблюденій и затѣмъ не имѣть никакой претензіи брать въ свои руки гражданское воспитаніе какого-бы-то ни было народа. Самъ г. Каченовскій признаетъ, что политическое искусство явилось раньше науки; это фактъ общеизвѣстный, что искусство является раньше науки, что медицина явилась раньше физиологии. Выводъ, который отсюда можно сдѣлать, ясенъ: если искусство всегда предшествовали науки, то такъ было и въ Россіи. Самъ авторъ, въ одномъ мѣстѣ своей статьи, говоритъ, что мы въ общественныхъ дѣлахъ руководствовались не теоріею, а навыкомъ, такъ-какъ это было почти до настоящаго времени. Почему?

Извѣстно, что возрожденіе и развитіе политическихъ наукъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, относится къ тому времени, когда общество стало приобрѣтать болѣе самостоятельности, когда права его на участіе въ политическихъ дѣлахъ стали расширяться болѣе и болѣе. Отсюда мы прямо можемъ сдѣлать заключеніе, что развитіе политическихъ наукъ возможно только въ самостоятельномъ и политически развитомъ обществѣ. Только тамъ имѣютъ онъ настоящее значеніе и интересъ и пользуются всѣми условіями для своего развитія.

Нѣтъ нужды доказывать, что наше общество до самого послѣдняго времени не представляло никакой возможности къ развитію политическихъ наукъ. Администрація, дарованная намъ реформою Петра, не вытекала изъ народныхъ убѣждений. Народный духъ, его преданія не были изслѣдованы чиновниками. Мы заботились, и то слегка, только объ искусствѣ; не любили и боились теоріи. Обще-

ство, лишенное самостоятельности, образованія, не могло взять въ свои руки защиту своихъ интересовъ. Всѣмъ нуждамъ нашимъ удовлетворяли чиновники, которымъ было подчинено даже попеченіе о народно-сельскомъ хозяйствѣ. Когда великий манифестъ 1857 года разомъ вызвалъ насъ изъ бездѣйствія и веденіе одной изъ величайшихъ реформъ было поручено самому обществу,—мы встали предъ громаднымъ вопросомъ бѣдные политическимъ тактомъ и познаніями. Гдѣ-же тутъ было развиваться политическимъ наукамъ?

Если политическое искусство предшествуетъ науки, то политическое воспитаніе народа необходимо должно предшествовать образованію политическому. Таковъ, по крайней мѣрѣ, естественный ходъ событий. Такъ показываетъ намъ исторія народа, гдѣ и науки и искусства политическая стоять неизмѣримо высоко. Кому обязанъ англійский народъ своимъ необыкновеннымъ политическимъ смысломъ и тактомъ: публицистамъ-ли своимъ или суду присяжныхъ, институту мирныхъ судей, общинному самоуправлению? думаемъ, что ученый авторъ согласится, что послѣднимъ. Если живое слово, логичность выведеній и ясные примѣры хорошаго сочиненія послужатъ къ образованію нѣсколькоихъ политическихъ дѣятелей, то практическая школа хорошихъ учрежденій образуетъ цѣлую массы превосходныхъ гражданъ. Университетъ, особенно у насъ, можетъ дѣйствовать на незначительное меньшинство; хорошия учрежденія пріучають къ политической жизни значительное большинство народа-селенія. Учрежденія представляютъ народу политической истины нагляднѣ и яснѣ, чѣмъ отвлеченнай теорія. Намъ не разъ доводилось слышать, что англійскій работникъ имѣеть гораздо болѣе политического смысла, чѣмъ иной континентальный ученый. А вѣдь онъ не читалъ никакихъ политическихъ трактатовъ и ни разу не сидѣлъ на скамьяхъ университета. Но за то ему каждую почти недѣлю приходится участвовать въ митингахъ, быть свидѣтелемъ какъ можно выражать свои мнѣнія не бранясь, видѣть въ судѣ присяжныхъ, какъ правосудие можно раздавать скоро и безпристрастно.

И такъ, мы теперь стоимъ на пункѣ, въ которомъ въ настоящую минуту, согласна вся думаю-

щая Россия—намъ нужно гражданское воспитание. Въ этомъ мы все согласны. Но средства у насъ весьма различны. Г. Каченовскій думаетъ, что должно дѣйствовать на наше политическое невѣжество наукю, должно вооружиться всѣми умственными материалами западной Европы, чтобы политически просвѣтить насъ въ нашемъ невѣжествѣ. Кто можетъ сказать что-нибудь противъ того, что наука сильное средство противъ невѣжества? Мы съмѣемъ надѣяться вмѣстѣ съ авторомъ, что изъ университетовъ, особенно при томъ превосходномъ устройствѣ политического отдѣленія, какое онъ предлагаєтъ въ своей рѣчи, выйдутъ современемъ руководители общества на пути гражданского прогресса. Но что скажутъ эти руководители, когда они столкнутся съ массою, которая шагу не умѣеть ступить на политическомъ поприщѣ; у которой нѣть ни сознанія общественныхъ интересовъ, ни гражданского смыслу; которая привыкла жить сложа руки и всего ждать отъ бюрократіи? Развѣ у насъ мало описывали Бельтовыхъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ? Что можетъ сравниться съ несчастнымъ положеніемъ человѣка, который много знаетъ и ничего не можетъ сдѣлать?

Мы думаемъ никто не понялъ изъ этихъ словъ, что мы стараемся отвергнуть значение науки въ дѣлѣ политического воспитания народа. Мы думаемъ только, что наука имѣетъ другое назначеніе. Ея дѣло передавать истины, добытыя однимъ поколѣніемъ другому, избавляя его тѣмъ отъ труда начинать снова тѣжкий трудъ предшествовавшихъ поколѣній. Она образуетъ у людей, которые єю занимаются, здравыя сужденія, обогащаетъ ихъ умъ новыми выводами, подкрепляя ихъ фактами. Наука стоитъ выше партій; она спокойно изучаетъ законы политического развитія той или другой стороны. Она приготовляетъ вождей, но нельзя было бы требовать, что-бы она подготовляла солдатъ. Она просвѣщаетъ и разширяетъ взгляды, но врядъ-ли чьи убѣжденія сложились и закалились подъ ея влияніемъ. Нужно-ли представлять примѣры людей, употреблявшихъ и употребляющихъ свои познанія для защиты отсталыхъ понятій?

Наше молодое поколѣніе, говоритъ авторъ, смотритъ на науку враждебно, видитъ въ ней бесплодное схоластическое упражненіе. Никто не можетъ

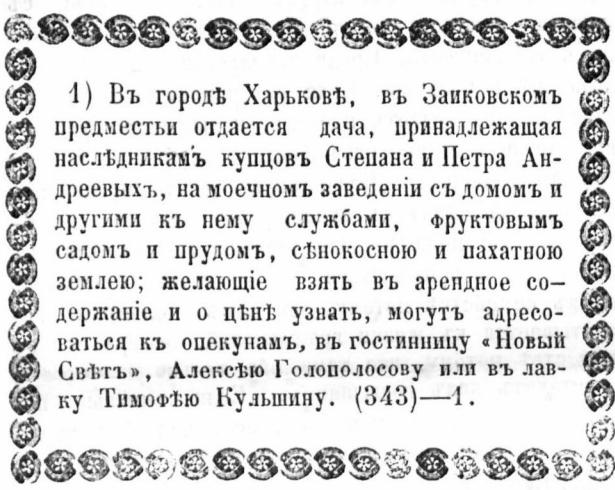
защищать подобныхъ взглядовъ, если они есть. Но за то и науки государственные, негармонирующія съ понятіями и развитіемъ общества, не представляютъ зрелица, особенно утѣшительного. Никто, быть можетъ, не понимаетъ этого такъ хорошо, какъ авторъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать выписку изъ его статьи, изъ которой легко можно будетъ убѣдиться, что авторъ глубоко понимаетъ всѣ невыгодныя послѣдствія разлада жизни съ мыслию. Вотъ что онъ говоритъ: «Вообще наука о Государствѣ тѣсно связана съ жизнью: она есть условіе и вмѣстѣ произведеніе гражданственности. Среди варварства ей нѣть выхода, нѣть поприща. Если ее прививаются искусственно, она недаетъ плодовъ, невыносить суроваго воздуха и чахнетъ, какъ большое дерево на неблагоприятной почвѣ. Другія науки могутъ процвѣтать въ школахъ, какъ въ оранжереяхъ, наука о Государствѣ—не можетъ. Она должна зарождаться въ семействѣ и пріимѣняться въ обществѣ; колыбель ея въ семействѣ потому, что тамъ человѣкъ воспитывается къ жизни гражданской; сфера ея въ обществѣ потому, что тамъ онъ только является и дѣйствуетъ какъ гражданинъ. Если семейные понятія враждебны Государству, если человѣкъ выходитъ изъ семьи съ исключительнымъ стремлениемъ наживаться на счетъ народа, если ему невнушаютъ мысли о долгѣ общественномъ, и только говорятъ о своекорыстіи, карьерѣ и успѣхахъ въ свѣтѣ, школѣ трудно бороться съ этими понятіями. Дѣтскія воспоминанія сильны, примѣръ близкихъ соблазнителенъ, жизнь полна искушеній. Съ другой стороны, если наука не имѣетъ практическаго авторитета въ государствѣ, если правительство смотритъ на нее враждебно, она, не будучи повѣряема въ жизни, получаетъ характеръ мечтательный, отвлеченный, становится теоріею и при томъ разрушительно». Къ этому кажется нечего прибавлять. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается полное объясненіе всего: и того, отчего у насъ не шли до сихъ поръ политической науки и того, отчего онъ не имѣли никакого авторитета и наконецъ того, отчего мы стали теперь тѣмъ, что авторъ называетъ всени-почемниками.

Это новое слово придумано авторомъ для объясненія всего нашего направленія.

По этому мы думаемъ остановиться на немъ и разсмотрѣть какое значеніе оно имѣеть въ рѣчи г. Каченовскаго.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Въ городѣ Харьковѣ, въ Заиковскомъ предмѣстїи отдается дача, принадлежащая наследникамъ купцовъ Степана и Петра Андреевыхъ, на моечномъ заведеніи съ домомъ и другими къ нему службами, фруктовымъ садомъ и прудомъ, сѣнокосною и пахатною землею; желающіе взять въ аренду соодержаніе и о цѣнѣ узнать, могутъ адресоваться къ опекунамъ, въ гостиницѣ «Новый Свѣтъ», Алексѣю Голополосову или въ лавку Тимофею Кульшину. (343)—1.

2) Честь имѣю довести до свѣдѣнія здѣшней публики, что около театра, въ домѣ Шапошникова, на Сумской улицѣ, я открылъ, кромѣ кондитерской, кафесторанъ, гдѣ можно получать столъ: по порціямъ, обѣдамъ, а также и по мѣсячно, за весьма умѣренную цѣну. Здѣсь также принимаются заказы всевозможныхъ родовъ, какъ-то: на свадьбы, обѣды, вечера и проч.

Содержатель расчитываетъ на вниманіе почтенѣйшей публикѣ, которой постарается угодить, какъ добросовѣстнымъ выполненіемъ требованій, такъ равно и дешевизною.

Содержатель кафе-ресторанъ И. Кастенсъ. (430)1

3) На Сумской улицѣ, противъ ц. Миро-сицы, въ д. генеральши Шатовой, отдается квартира въ наемъ о 12 комнатахъ, во 2-мъ этажѣ, со всѣми службами къ ней принадлежащими; о цѣнѣ можно узнать отъ швей-ца. (154)—1.

4) Тамъ-же съ 24 октября отдается въ наемъ флигель во дворѣ, о 7 комнатахъ со должностными службами. [75]—1.

5) На Благовѣщенской улицѣ, въ д. Карапассо, продается малопрѣженный тарантасъ. (76)—1

6) Въ домѣ г-жи Алешковой, на Контор-ской улицѣ, продаются два ролля за сходную цѣну и отдаются на прокатъ. ( )—1

7) Продаются за Лопанью, на Скрынниковской улицѣ, домъ Ладовской и тутъ-же роль работы Шиллера; о цѣнѣ можно узнать отъ домовладѣльца. (104)—1

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Севастопольскій купецъ Саватюгинъ, торгующій въ Харьковѣ разными бакалейными товарами, покупалъ отъ меня въ продолженіи многихъ лѣтъ, для продажи во всѣхъ украинскихъ ярмаркахъ, кондитерскій товаръ моей фабрики; нынѣ мнѣ извѣстно стало, что требованіе на мой товаръ въ тѣхъ ярмаркахъ превышаетъ количество, покупающее у меня Саватюгина мѣръ, а потому онъ закаляетъ подобные товары у другихъ и на некоторые сорты наклеиваетъ (хотя и подъ своей фирмой), но точно такіе-жѣ ярлыки, какіе наклеиваются на мой товаръ чрезъ что за-

труднляетъ міль сбыту; вслѣдствіе того я
счелъ необходимымъ чрезъ эту публикацию об-
ратить вниманіе и. покупателей на получае-
мые отъ г. Саватюина товары и предосте-
речь ихъ отъ могущихъ произойти отъ такой
подпольки ошибокъ, тѣмъ болѣе, что г. Са-
ватюинъ собственной фабрики не имѣетъ и
смѣдовательно за качеству товара поручитъ-
ся не можетъ.

Московскій 2-й гильдій
купецъ, Алексѣй Ивановъ
Абрикосовъ. (770)—1.

8) Отдаются деньги подъ залогъ; узнать въ
магазине Масленикова. (31)—1

9) Контора харьковскаго коммерческаго
клуба, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія и.
членовъ онаго, что выдача билетовъ, по слу-
чаю наступленія клубнаго года съ 1 октября,
открыта въ онѣ ежедневно. (152)—2.

10) Отдается за весьма умѣренную цѣну
квартира о 10 комнатахъ, съ кухнею, ко-
мюнишею, сараемъ, погребомъ, ледникомъ и ам-
баромъ,—на Скрып. ул., въ д. г-жи Тихоц-
кой, подъ № 190 (124)—2

11) Дама, желающая выпѣхать на днѣахъ въ
Кievѣ, въ своемъ тарантасѣ и лошадяхъ,
ищетъ попутчика; желающие могутъ видѣть-
ся на театральной площади, въ д. Савицкаю.
(126)—2

12) Продается въ 3 части г. Харькова, на
Гончаровкѣ, каменный 2-хъ этажный домъ
со службами и садикомъ, принадлежащий г.
Рогачевой. О цѣнѣ спросить у хозяйки дома.
(125)—3.

13) На мѣсто г. Діонисія Фад-
дѣвича Фашовича, назначивъ
коммиссіонеромъ по сахарной
торговлѣ моимъ ольшанскимъ
рафинадомъ, въ Харьковѣ, г-на
Ипполита Антонова Плотницка-
го, и сообщивъ ему-же, Плот-
ницкому, мою довѣренность по
этому предмету; объявляю, дабы
гг. купцы и вообще интересуе-
мые этою перемѣнною, благово-
лии адресоваться «въ харьков-
скую по сахарной, ольшанскимъ
графа Владислава Владиславови-
ча Браницкаго рафинадомъ тор-
говлѣ, контору, на имя г. Иппо-
лита Плотницкаго».

ГРАФЪ БРАНИЦКІЙ. (358)—2.

14) Отдается въ наемъ бель-этажъ о 6
комнатахъ, съ 2 переборами и мезонинъ о 3
комнатахъ и съ принадлежащими къ нимъ
службами, въ домѣ несостоятельнаго должни-
ка Василия и брата его Николая Курносови-
хъ—на Пынанской улицѣ; о цѣнѣ можно уз-
нать въ конторѣ по дѣламъ В. Курносова, на
Пескахъ, въ д. к. Савченкова [252]—

15) Господинъ Т., могущий преподавать весь
курсъ гимназіи, желаетъ получить мѣсто до-
машнаго учителя въ городѣ или на выездѣ
куда-бы-то ни было. Спросить на Скрын-
ницкой улицѣ, въ д. Егорова у Должечева.
(163)—3

16) Отдается бель-этажъ въ наемъ, на
Московской улицѣ въ д. Витковскаго; спро-
сить въ магазинѣ Бонфоа. (80)—3

17) Въ с. Основъ за отъездомъ продается пара индийскихъ пъжальныхъ каретныхъ лошадей,— за сходную цѣну; о цѣнѣ узнать въ экономической конторѣ.

Тамъ-же продаются разныя садовыя и комнатныя растенія, букеты съ камелиями, фіалки и много другихъ душистыхъ цветовъ—по сходнымъ цѣнамъ; желающими видѣть оранжерею и садъ входъ дозволяется; адресоваться къ главному садовнику Приферту.

(300)—3

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ
ЭКОНОМИЧЕСКІЯ
СВѢЧИ,
ЗАВОДА ВЫВШАГО ЮНКЕРА и
НИЛЬСЕНА, въ Москвѣ,
Свѣтло горящія и не требующія съемки щипцами; противъ каллетовскихъ дешевле на 2 руб. 50 коп. серебромъ въ пудѣ.

ВЪ МАГАЗИНѢ ЧАЕВЪ
КИТАЙ,

на Никольской площади, въ домѣ Михайловскаго. (218)—3.

19) Продается очень хороший, прочной работы, **ТАРАНТАСЬ**, съ каретнымъ кузовомъ,—за

сходную цѣну. На Екатеринославской улицѣ, въ д. Головковой; спросить кучера Якова.

(130)—3

20) Кандидатъ с.-петерб. университета, знающій польскій и французскій языки, желаетъ преподавать частные уроки или поступить управляющимъ имѣніемъ или домашнимъ учителемъ. Узнать на Николаевской площа-ди, въ астраханской гостинице, кв. № 8.

(200)—3

21) ВЪ ЛАВКѢ КАЗАНСКАГО К.

САЧЕВА,

на Николаевской площа-ди,

получены изъ Москвы приборы и мате-риалы для конской сбруи; разныхъ сор-товъ хомуты съ приборами изъ наклад. серебра и мѣди, для различныхъ упра-жекъ; спѣла—дамскія, алицкія, поле-выя, казачьи и др. Всѣ эти товары самой прочной работы. Желающіе мо-гутъ заказывать вещи по рисункамъ, на срокъ; принимается починка шор-ныхъ изделий—все это будетъ дѣлать-ся добросовѣстно и по умѣренной цѣнѣ. Обращаться за всѣмъ про-изводствомъ мою лавку, подъ домомъ Михайловскаго.

Казан. к. Сачевъ. (430)—3.

22) Отдаются въ наемъ отдельные комна-ты съ отопленіемъ, на Мало-Мѣщанской, въ домѣ Сокальской. (73)—3.

И. д. Редактора А. Градовскій.